

ТУНГУЗСКАЯ ПРИМАДОННА.

Спросите когонибудь на присказках: знаете вы Федора Васильевича?

— Какого такого Федора Васильевича?

— Ну, тунгузскую примадонну?

— Такъ бы вы сразу и сказали! кто-же не знаетъ тунгузскую примадонну!

Федоръ Васильевичъ малъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ, лице имѣеть скуловое, сильно морщинистое и того смуглаго цвѣта, который составляетъ характерную черту сѣверныхъ инородцевъ: глаза у него узкіе, усы и борода рѣдкіе. Вообще онъ—далеко не красавецъ. Прозваніе «тунгузская примадонна» понравилось и навѣки укоренилось за Федоромъ Васильевичемъ.

Родомъ Федоръ Васильевичъ изъ Туринска и въ молодости былъ прикащикомъ у одного купца въ Барнауль. Разъ, хозяинъ отправилъ его въ Томскъ на ярмарку съ товаромъ. Федоръ Васильевичъ, по собственному признанію, торговалъ отлично, такъ что вернулся домой безъ товара, но и . . . безъ выручки. Последняя вся полностью осталась по трактирамъ и инымъ увеселительнымъ заведеніямъ.

За такую провинность хозяинъ маленько побилъ Федора Васильевича, когда тотъ вернулся домой; а затѣмъ, такъ вошелъ во вкусъ физическаго воздѣйствія, что повадился ежедневно напоминать виновному объ его проступкѣ. Ужъ нѣсколькихъ зубовъ сталъ недосчитываться Федоръ Васильевичъ и, наконецъ, не вытерпѣвъ, бѣжалъ отъ своего патрона.

Въ тѣ времена, въ Сибири, для людей свихнувшихся, выбившихся изъ прежней колеи, была одна дорога: это — присски.

И вотъ уже болѣе 25-ти лѣтъ, какъ Ѳеодоръ Васильевичъ на прискахъ; живеть на нихъ почти безвыѣдно, благо мужикъ онъ на дѣлѣ старательный, потому безъ службы никогда не бываетъ.

При многихъ прекрасныхъ качествахъ, за Ѳеодоромъ Васильевичемъ водятся два маленькіе недостатка, составляющіе, впрочемъ, неотъемлемую окраску истаго таежнаго служаки.

Любить онъ выпить не хуже всякаго Ивана Непомнящаго; и еще любить похвастать, вѣрнѣе сказать, прилгать безъ всякой нужды.

— Сегодня у Григоровскихъ въ обѣдъ два пуда золота намыли, сообщаетъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Васильевичъ.

— Вы почему знаете?

— Какъ же, два раза изъ пушки стрѣляли; ¹ я былъ давеча на нижнемъ станѣ—оттуда слышно.

На дѣлѣ же оказывается, что все это онъ выдумалъ, начиная съ двухъ пудовъ и кончая побѣдкой на нижній станъ.

— Вы опять принялись небылицы въ лицахъ разсказывать, замѣтишь ему, когда все дѣло обнаружится.

— Да видите ли, вчера у Григоровскихъ намыли болѣе полутора пуда; ну и ждали, что сегодня будетъ не меньше двухъ.

— Положимъ, что ждали; да вѣдь вы на нижнемъ станѣ не были?

Тутъ Ѳеодоръ Васильевичъ ничего не скажетъ, только улыбнется, какъ бы желая этимъ объяснить, что нижній станъ самъ собой присочинился къ двумъ пудамъ.

Первая слабость ведетъ къ тому, что безъ догляда Ѳеодоръ Васильевичъ не можетъ быть употребленъ ни на какое дѣло; «не надеженъ», какъ о немъ выражаются.

За эту ненадежность приходилось ему иногда серьезно платиться. Вотъ хоть бы случай.

Призываетъ его хозяинъ и говорить:

— Побѣжай завтра въ Назаровскую Волость и найми тамъ поторѣе сто человекъ.

— Ахъ, Николай Васильевичъ, какъ бы грѣха не вышло: я давно ужъ за наемкой не ѣздилъ. Нельзя-ли кого другого послать?

— Было бы кого, такъ не послалъ бы за тобой. Изволь-ка завтра явиться за полученіемъ денегъ.

На другой день Ѳеодоръ Васильевичъ получаетъ 5,000 р., съ подтвержденіемъ—сколь возможно поспѣшить наемкой. Къ нему

¹ На нѣкоторыхъ прискахъ принято при экстраординарно большой добычѣ стрѣлять изъ маленькихъ пушекъ: одинъ выстрѣлъ означаетъ, что намятъ одинъ пудъ, два—два и т. д.

прикомандировывается на всякій случай помощникъ, человекъ вполне трезвый.

Не прошло и полутора недѣли, какъ отъ помощника прилетаетъ нарочный съ донесеніемъ: Ѳедоръ Васильевичъ безъ прощупу пьянъ и много денегъ проигралъ въ карты.

Въ отвѣтъ на это донесеніе мчится новый довѣренный съ наказомъ — отобрать у Ѳедора Васильевича остальные деньги, а самого выслать обратно въ Енисейскъ. Оказывается растрата свыше 1,000 р.

— Это какъ же, братецъ? Тебя послали за стѣпнымъ дѣломъ, а ты принялся кутить, да играть въ карты на хозяйскія деньги? За это вѣдь тебя надо въ острогъ спровадить, говорить строгимъ тономъ хозяинъ.

— Сами виноваты, зачѣмъ послали; я васъ предупреждалъ, что грѣхъ можетъ выйти.

Конечно, объ острогѣ хозяинъ упомянулъ не серьезно; но все же Ѳедору Васильевичу, несмотря на свое предупрежденіе, пришлось четыре года отслуживать растроченныя деньги.

Впрочемъ, объ этомъ случаѣ Ѳедоръ Васильевичъ вспоминаетъ не только безъ горечи, но даже съ нѣкоторымъ отѣнкомъ гордости и самодовольства.

— То ли еще бывало въ старые годы. Вотъ со мной служилъ у Хлѣбникова Иванъ Петровичъ Петровъ. Ухъ, какой былъ на работѣ лихой, да ужъ и забубенная же голова: меньше, какъ за три года, онъ никогда не былъ долженъ конторѣ. За то же и работникъ былъ: съ нимъ рабочіе въ огонь и воду шли; гдѣ съ дѣломъ десять не могутъ справиться, тамъ онъ одинъ его вытравить. Вотъ разъ, покойникъ хозяинъ призываетъ его къ себѣ.

— Задумалъ я, Иванъ Петровичъ, поисковую партію въ Сургуты послать. Вотъ тебѣ 6,000 р., ассигнаціями, разумѣется—тогда на серебро еще не считали—отправляйся-ка туда съ Богомъ; раньше трехъ лѣтъ не возвращайся, развѣ золото богатое пойдетъ. А не хватить денегъ—напиши, я тебѣ дошлю.

Только не прошло и полугода, а Иванъ Петровичъ вернулся.

— Чтò, золото нашель? говоритъ, завидя его, обрадованный Хлѣбниковъ.

— Никакъ нѣтъ; я и въ Сургутѣ-то не былъ, денегъ не хватило.

— Какъ денегъ не хватило? куда-жъ онѣ у тебя дѣлись?

— Да чего таить—прокутилъ.

— Что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать?

— А что хотите, то и дѣлайте.

— Ахъ ты, безпутная голова! Посмотри-ка, на тебѣ и одежды-

то нѣтъ. Вотъ тебѣ сто рублей на экиперовку, и завтра же чѣмъ свѣтъ можешь на присеки.

За второй недостатокъ Ѳеодоръ Васильевичъ списалъ себѣ репутацію «ботола».

Бывало, чуть сошлешься на его показаніе, какъ получаешь въ отвѣтъ:

— Охота же вамъ вѣрить этому ботолу: вѣдь онъ, что ни слово скажетъ, то совретъ.

Какъ большинство старыхъ горныхъ служаекъ, онъ былъ добрякъ: послѣднюю копейку готовъ былъ отдать всякому, кто ни попроситъ у него.

Бывало, ему скажешь:

— Вы опять, я слышалъ, Мордвашеву дали денегъ въ займы; вѣдь онъ васъ надуетъ?

— Что вы говорите—быть не можетъ! Онъ мнѣ обѣщаль уплатить въ новому году и старый долгъ, и то, что теперь взялъ. Нѣтъ, повѣрьте: кому другому, а мнѣ непременно заплатитъ; вѣдь я съ него и процентовъ никогда не бралъ.

А на повѣрчу выходило какъ разъ наоборотъ: Мордвашевъ бывало, всѣмъ заплатитъ, кромѣ Ѳеодора Васильевича.

Несмотря на свои почти 50 лѣтъ, Ѳеодоръ Васильевичъ былъ совершенный ребенокъ. Заботы о завтрашнемъ днѣ совсѣмъ не зналъ и, получая недурное жалованье, вѣчно нуждался въ деньгахъ.

Какъ только, бывало, въ расчетъ получить додачу, сейчасъ же накупитъ всякого ненужнаго хламу, который обыкновенно въ это время стараются сбыть отъѣзжающіе съ присековъ служаки. У Ѳеодора Васильевича вдругъ заводится ружье, хотя онъ даже не знаетъ, какъ его слѣдуетъ заряжать.

— Зачѣмъ же вы купили ружье? вѣдь вы, кажется, не охотникъ.

— А, можетъ быть, вдругъ въ поиски за золотомъ пошлютъ, вотъ тогда и пригодится: выйдетъ вся солонина—будемъ птицу стрѣлять.

— Все же вы сами стрѣлять не умѣете; притомъ ваше ружье дрянъ: изъ него и стрѣлять-то нельзя, просто опасно.

— А я отдамъ его нашему кузнецу поправить—онъ это дѣло знаетъ, можетъ даже новое ружье сдѣлать; а не то Яшкѣ тунгусу продамъ, тотъ мнѣ богатаго соболя принесетъ. И на словѣ «богатый» Ѳеодоръ Васильевичъ сдѣлаетъ даже особенное удареніе, какъ бы уже созерцая большаго, чернаго, какъ смоль, съ густой просѣдью соболя.

Богъ знаетъ, съ какихъ поръ Яшка тунгусъ сбѣщаетъ принести Ѳедору Васильевичу хорошаго соболя. Много передавалъ ему Ѳедоръ Васильевичъ сахару, чаю, муки, а главное водки; и всякій разъ Яшка божится, что перваго хорошаго соболя принесетъ ему.

— Да ты обманешь?

— Нѣтъ, непременно принесу, богатаго соболя принесу.

И, дѣйствительно, принесетъ, только управляющему или Мордвашеву.

Не мало подъ пьяную руку—Ѳедоръ Васильевичъ хмѣлѣетъ отъ третьей рюмки—проигралъ онъ денегъ Мордвашеву, про котораго самъ же выражается, что это «обманный человѣкъ», но не терялъ надежды отыграться.

Иногда приходитъ и просить денегъ въ счетъ жалованья.

— Да вѣдь вы только, что недѣлю тому назадъ брали; вѣрно опять проигрались?

— Былъ грѣхъ, Леонидъ Ѳедоровичъ.

— Что за охота вамъ садиться играть съ Мордвашевымъ, когда онъ васъ навѣрняка обигрываетъ?

— А у меня былъ свой расчетъ на этотъ разъ. Мордвашевъ съ Надѣинымъ передъ тѣмъ по бутылкѣ водки выпили; а я былъ совсѣмъ трезвъ, т. е. ни единой капли не пропустилъ. Ну и думалъ хоть разъ подсадить Мордвашева, да чортъ меня дернулъ для храбрости ставанчикъ хватить; а тамъ знаете и пошло; да тридцать рубликовъ и спустил. Хорошо еще, что управляющій во-время меня увелъ.

Любовь къ водкѣ сближала его съ рабочими. Въ расчетъ онъ всегда былъ пьянѣе всякаго Ивана Непомнящаго. Мало ему было пить у себя на дому или у пріятелей служащихъ: пойдеть въ казармы къ рабочимъ. Угощается, поетъ съ ними пѣсни, и, хотя собственно говоря, ни съ кѣмъ изъ нихъ личностей не имѣетъ, но всегда какъ-то случается, что его по какому-нибудь недоразумѣнію маленечко потреплютъ. Но затѣмъ, тотчасъ же найдется какая нибудь добрая душа, что во-время его утащить изъ казармы и, не обращая вниманія на его протесты, сведеть домой и уложить спать.

Но Ѳедору Васильевичу не спится. Онъ вдругъ почему-то вспоминаетъ о своихъ обязанностяхъ становаго, т. е. лица, на которомъ прежде всего лежитъ наблюденіе за присковымъ порядкомъ. Онъ встаетъ и, еле передвигая ноги, направляется на конный дворъ, посмотреть: все ли тамъ въ исправности и заданъ ли лошадямъ кормъ?

Старые кони, оставшіеся въ зимовку, хорошо знаютъ Ѳедора

Васильевича; знает и онъ ихъ. Въ обыкновенное время Федоръ Васильевичъ ни за что не подойдетъ къ буркѣ: это «разбойничья», по его словамъ.

Но теперь Федоръ Васильевичъ прежде всего устремляется на бурку.

— Ну, разбойничья морда, чего брюхо ты распустилъ?

Бурка—мастеръ и зубомъ цапнуть, и задомъ угостить—какъ бы понимать, что передъ нимъ не грозный становой, а малый ребенокъ: посмотреть на него своими большими карими глазами, слегка потянуть въ себя воздухъ, да и отойдетъ спокойно въ сторону.

Федоръ Васильевичъ потопчется безцѣльно на конномъ дворѣ, да зачастую тутъ же гдѣ-нибудь и завалится спать.

Съ Макаромъ Федоръ Васильевичъ съ давнихъ поръ въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, несмотря на визиты перваго къ Пелагеѣ.

Бывало, послѣ окончанія работъ, Федоръ Васильевичъ тайно и ственно подзываетъ Макара.

— Вотъ тебѣ два рубля, Маварка... знаешь, на Тюриковский¹... только попроси Василья Константинова, чтобъ отпустилъ настоящаго спирта, а не разбавленнаго.

— Понимаю; однако, надо подождать, Федоръ Васильевичъ: еще свѣтло и не всѣ улеглись.

— Разумѣется, обожди. Только тамъ, парень, не задерживайся.

— Ужь не безпокойтесь.

На другой день, работы начинаются часомъ позднѣе обыкновеннаго.

— Какого чорта сегодня такъ запоздали? допрашиваетъ управляющій Федора Васильевича, который, въ качествѣ становаго является ближайшимъ ответственнымъ лицомъ.

— Виноватъ, Александръ Антиповичъ, немного проспалъ: съ ночи такъ разболѣлись зубы, что и не приведи Богъ; только къ разсвѣту немного вздремнулъ.

Макара въ этотъ день совсѣмъ утромъ не добудились; онъ поднялся только къ обѣду, жалуюсь на сильную боль въ желудкѣ.

Случалось, что Макаръ почему-нибудь задержится на тюриковскомъ пріискѣ. Федоръ Васильевичъ, старая нетерпѣливостью, по десяти разъ въ минуту выбѣгаетъ изъ своего дома, настаива-

¹ На нѣкоторыхъ пріискахъ, принадлежащихъ мелкимъ золотопромышленникамъ, производится секретная продажа вина или на деньги, или на золото.

зается—не слышно ли конского топота по известному направлению... однако, ничего не слышно.

Не разбирая того, что даже июльскія ночи въ тайгѣ сильно росисты и холодны, онъ чуть не въ одномъ исподнемъ бѣльѣ отправляется на встрѣчу Макара.

Дорога идетъ по безыменному елочнику! Памятенъ этотъ елочникъ Ѳедору Васильевичу. Одно время страсть къ Пелагеѣ до такой степени овладѣла имъ, что, забывъ всякую божескую справедливость, онъ не только сталъ равнодушенъ къ своей Аннѣ Семеновнѣ, но даже разъ побилъ ее—конечно, будучи въ пьяномъ видѣ.

Анна Семеновна была дама уже не первой молодости, такъ, лѣтъ тридцати пяти. Росту она высокаго, лице имѣетъ сѣропепельное, нѣсколько рябоватое; глаза постоянно щурятся, полагать надо потому, что они нѣсколько гноятся. Играетъ на гитарѣ и отличается если не голосомъ, такъ любовью къ пѣнію. Изъ талантовъ своихъ она отнюдь не дѣлаетъ секрета. Стоитъ только сказать:

— Не споете ли что-нибудь, Анна Семеновна? Какъ она, вообще довольно застѣнчивая, немедленно беретъ въ руки гитару и затягиваетъ съ пріятнымъ удареніемъ въ носъ — «черный цвѣтъ» или «среди долины ровныя».

Ѳедоръ Васильевичъ не мало гордится талантами своей супруги и при случаѣ похвалается:

— Она у меня мастерица пѣть и играть, въ Енисейскѣ ее всегда по вечерамъ звали.

Застѣнчивость въ Аннѣ Семеновнѣ соединялась по временамъ съ такой наивной откровенностью, что она ставила въ смущенное положеніе людей, далеко не робкихъ. Она, бывало, никогда не скажетъ—«я ѣмъ», а всегда—«я кушаю»; но за то тутъ же заявить о такихъ потребностяхъ, положимъ, весьма законныхъ, о которыхъ, однако, вообще не принято говорить, а всего менѣе за ѣдой. Или, напримѣръ, заходить разговоръ о купаньѣ.

— У меня Ѳедоръ Васильевичъ боится купаться, такъ я сама вожу его. Едва вѣдь въ воду заставишь войдти, а окунуться ни за что не рѣшится; такъ зайдешь въ воду, да изъ ведра его и поливаешь. Ужъ онъ верещитъ благимъ матомъ, да я его не пуцаю. Тоже и въ банѣ, страсть какъ боится холодной воды; выпаришь его хорошенько, да какъ-нибудь, крадучись, и окатишь.

Анна Семеновна любила одѣваться, и Ѳедоръ Васильевичъ не жалѣлъ денегъ на ея наряды. Но такъ какъ въ водеѣ она была привержена не менѣе своего супруга, то на самыхъ дорогихъ

костюмахъ, не трудно было разсмотрѣть странные узоры, слѣды чего-то нехорошаго...

Послѣ рѣдкаго праздника прислуга Анны Семеновны не являлась къ Леониду Ѳеодоровичу съ такой рѣчкой:

— Анна Семеновна просила отпустить немного водки.

— Какая тамъ водка! отвѣчалъ обыкновенно съ сердцемъ Леонидъ Ѳеодоровичъ, котораго всякая просьба о водкѣ выводила изъ спокойнаго расположенія духа.

— Ужь хоть съ рюмочку позвольте, очень мутить; тошнехонько, говоритъ.

Хотя таежная хроника и рассказываетъ объ Аннѣ Семеновнѣ безконечный рядъ романтическихъ исторій, но разъ, что самъ Ѳеодоръ Васильевичъ горой стоитъ за добродѣтель своей супруги, то мы не считаемъ себя въ правѣ дѣлать какія-нибудь нескромныя разоблаченія по этой части.

Кстати замѣтимъ, что женился Ѳеодоръ Васильевичъ не со всѣмъ обычнымъ порядкомъ.

Разъ его хозяинъ, уже объявленный женихомъ, говоритъ:

— Ты, Васильевъ, отчего не женишься?

Вопросъ былъ поставленъ совершенно неожиданно для Ѳеодора Васильевича, онъ даже и самъ никогда его себѣ не задавалъ; но тѣмъ не менѣе, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Да невѣсты нѣтъ, Константинъ Сидоровичъ.

— Я тебѣ невѣсту найду; хочешь жениться? Чего такъ землю бременить?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Ѳеодоръ Васильевичъ, полагая, что Константинъ Сидоровичъ не болѣе, какъ шутить.

Но не прошло и недѣли, какъ Ѳеодоръ Васильевичъ сталъ счастливымъ обладателемъ Анны Семеновны. Константинъ Сидоровичъ былъ у него отцомъ посаженнымъ и даже на свой счетъ всю свадьбу сыгралъ.

Злоязычная хроника утверждаетъ, что Константинъ Сидоровичъ давненько былъ знакомъ съ Анной Семеновной, что она даже по временамъ навѣщала его съ задняго крыльца, что теперь, собираясь жениться, онъ рѣшился благороднымъ образомъ пристроить ее. Ну, да мало ли что иногда говорятъ изъ зависти или по злобѣ...

И вообще, что бы таежная хроника ни рассказывала, а мы свидѣтельствуемъ, что жили они въ любви и согласіи. Ѳеодоръ Васильевичъ былъ не только весьма предупредителенъ, но даже относился къ Аннѣ Семеновнѣ съ замѣтнымъ почтеніемъ. Въ

свою очередь, и Анна Семеновна, отличаясь тихим характеромъ, была малотребовательна и всегда охотно подчинялась авторитету Федора Васильевича во всѣхъ дѣлахъ, исключая, конечно, дамскаго туалета и нарядовъ.

Въ началѣ супружества, она довольно часто выражала свое огорченіе на неимѣніе дѣтей; но потомъ съ этимъ совершенно освоилась и даже находила, что эта бѣда—одна изъ тѣхъ, которыми, пожалуй, въ тайнѣ можно и радоваться.

У нея, конечно, было много свободного времени. По гостямъ на прискахъ развѣзжать не приходится; только въ очень большіе праздники можно выпросить у управляющаго лошадь. Однакоже, время уходило какъ-то незамѣтно, и на скуку Анна Семеновна не жаловалась. То она перебираетъ въ сундукѣ свои наряды, то въ сотый разъ примѣриваетъ новое платье. Ею шила первая швея въ Красноярскѣ, и хотя шила просто «на даму средняго роста, скорѣе худощавую, чѣмъ полную», но, какъ истинная мастерица своего дѣла, проштрафилась только въ однихъ рукавахъ: они вышли на четверть короче, чѣмъ бы слѣдовало.

— А можетъ быть, такъ и надо по послѣдней модѣ? утѣшалась Анна Семеновна.

Наскучить перебирать въ сундукѣ, приметя за любимицу свою Амурку и начнетъ ей блохъ вычесывать. Амурка, собака замѣчательно умная и образованная, отлично понимающая толь въ сахарѣ и умѣющая стоять на заднихъ лапкахъ, сначала довольно терпѣливо выноситъ эту операцію; но сообразивъ, что всему долженъ быть естественный предѣлъ, а въ томъ числѣ и заботамъ объ ея чистотѣ и благополучіи, по нѣкоторомъ времени поднимаетъ такую возню, что Анна Семеновна, наконецъ, отпустить ее, хотя и наградить замѣчаніемъ:

— Ну, негодница, пуцай же тебя блохи ѣдятъ.

Федоръ Васильевичъ показывался домой лишь поѣсть, да соснуть; все остальное время проводилъ на работѣ. На прискахъ работы идутъ круглый годъ безъ перерыва, въ воскресенье и праздники работаютъ все равно, какъ въ будни. Нерабочихъ дней во всемъ году не наберется и 20-ти, считая тутъ и Пасху, и Рождество, и даже промежутокъ между 10—16 сентября. Но есть большая разница между зимой и лѣтомъ: зимой работы кончаются, самое позднее, часу въ 5-мъ, потому что рано темнѣетъ. Приятнѣйшимъ препровожденіемъ времени въ длинные зимніе вечера была для супруговъ карточная игра. Анна Семеновна и Федоръ Васильевичъ до страсти любили дураки и мельники.

Исходъ игры былъ всегда одинаковъ, бралъ верхъ Ѳеодоръ Васильевичъ, что Анна Семеновна относила не столько къ его искусству, сколько къ плутоватости. Пользуясь плохимъ зрѣніемъ Анны Семеновны, онъ, безъ зазрѣнія совѣсти, вытаскивалъ козырей, подмѣнивалъ карты, невѣрно крыль, словомъ, пускался на всевозможныя продѣлки. Всякое пораженіе Анна Семеновна встрѣчала съ крайнимъ огорченіемъ и отказывалась отъ продолженія игры. Но Ѳеодоръ Васильевичъ старался ее утѣшить надеждой, что, можетъ быть, она и выиграетъ слѣдующую партію. Анна Семеновна легко поддавалась соблазну и опять принималась за карты. Ѳеодоръ Васильевичъ, для ободренія ея, вель сначала партію такъ, что, казалось, счастье какъ бы не на шутку переходило на ея сторону, но подъ конецъ онъ не выдерживалъ, и игра оказывалась съ роковымъ исходомъ для Анны Семеновны.

Но такъ велика была довѣрчивость Анны Семеновны, что, бывало, только послѣ цѣлаго десятка партій она, наконецъ, броситъ карты и наотрѣзъ откажется отъ продолженія игры; мало того, начнетъ жаловаться на судьбу.

— Мнѣ ни въ чемъ нѣтъ счастья! а затѣмъ ударится въ слезы. Ѳеодоръ Васильевичъ, понимая, что причиной всему его легкомыслію, примется утѣшать Анну Семеновну и очень скоро достигаетъ своей цѣли.

— Ну полно, Анна Семеновна, чего тутъ плакаться? Вотъ, погоди, какую я тебѣ брилліантовую брошку куплю...

— Знаю я эту брошку, ужъ который годъ все обѣщаешь.

— Непремѣнно же куплю; я говорилъ съ Николаемъ Васильевичемъ (хозяиномъ Ѳ. В.): не возьмется ли онъ купить, такъ онъ отвѣчалъ, что хорошей брошки не найти даже въ Петербургѣ; а привезетъ онъ ее тебѣ изъ-за границы.

— Когда же онъ поѣдетъ за-границу? спрашиваетъ Анна Семеновна, уже замѣтно успокоившаяся.

— Говоритъ, что на будущій годъ.

— Только чтобы хорошую купилъ.

— Не бойся, худой не купитъ. Сама Шарлота Эдуардовна будетъ выбирать. Такая будетъ рѣдкость, что Мордвашевой ничего подобнаго и во снѣ не снилось.

И примиренное супружество принимается за скромную трапезу, окончивъ которую мирно отходитъ на сонъ грядущій.

Но Ѳеодоръ Васильевичъ не всякій вечеръ сидитъ дома: или уйдетъ за приказаніями къ управляющему, да тамъ до ужина и застрянетъ, или, по секрету отъ Анны Семеновны, проберется къ матерьяльному, заранѣе получивъ приглашеніе составить пар-

тію «постукавъ». Въ избранномъ таѣжномъ обществѣ стуколка почти совсѣмъ вытѣснила излюбленные прежде «три листика».

Что тогда дѣлать Аннѣ Семеновнѣ? чѣмъ скоротать вечеръ? Видя, что надежда на супруга плоха, а Амурка такъ сладко спитъ, что тревожить ее жалко, возьметъ она гитару, да, не долго думая, и затынетъ «Вотъ на пути село большое».

— Какъ вы хорошо поете! матушка Анна Семеновна, замѣтить прислуга Марья, давно подмѣтившая, что ея барыня до крайности слаба къ похваламъ этого рода.

— Это еще что; вотъ я прежде пѣла, а теперь и половины голоса нѣтъ. А вы, Марья, отчего не поете благородныхъ пѣсень, а все свои мужицкія?

— Не знаемъ благородныхъ, Анна Семеновна, вотъ отчего и не поемъ.

— А ты прислушайся; вотъ я тебѣ спою — можетъ быть, и запомнишь. И Анна Семеновна затыгивала «Подъ вечеръ осенью ненастной».

— Что, хорошо? спрашиваетъ она по окончаніи Марью.

— Ужь какъ хорошо! Только, гдѣ намъ такія пѣсни пѣть: мы и словъ-то не выговоримъ!

Анна Семеновна была вообще женщина разсудительная, а потому смотрѣла съвозъ пальцы на довольно частыя уклоненія Ѳедора Васильевича съ пути супружеской добродѣтели: «всѣ мужчины таковы» говорила она, и, по словамъ таѣжной хроники... но разъ мы положили печать молчанія на этотъ предметъ, такъ онъ и останется подъ покровомъ неприкосновенности до конца нашего разсказа.

Правда и то, что прегрѣшенія Ѳедора Васильевича никогда не были продолжительны; онъ обыкновенно скоро приносилъ Аннѣ Семеновнѣ чистосердечное раскаяніе вмѣстѣ съ искупительной жертвой, въ видѣ куска матеріи на платье, шали или вообще чего нибудь по части дамскаго туалета.

Но въ послѣднее время, отношенія къ Пелагеѣ стали обнаруживать необыкновенную продолжительность и устойчивость. Хотя покаянія и искупленія со стороны Ѳедора Васильевича шли своимъ чередомъ—можно даже сказать, что онъ просто цѣплялся за всякій удобный случай, чтобъ раскрыть передъ Анной Семеновной свое сокрушенное сердце—но все же ее не на шутку стала тревожить такая упорная страсть. Не то, чтобъ она выражала претензію нераздѣльно обладать его сердцемъ и исклю-

чительно пользоваться его ласками, нѣтъ, Анна Семеновна далеко не была такъ эгоистична—но бѣда, по ея мнѣнію, заключалась въ томъ, что Ѳедоръ Васильевичъ, по милости этой страсти, сталъ «сильно тянуть изъ дома», вмѣсто того, чтобы, напротивъ, «все нести въ домъ». Всякая косынка, хотя бы стоимостью не дороже 30 к., но разъ, что Анна Семеновна заподозрѣвала законность ея появленія у Пелагеи, крайне разстроивала ея чувствительное сердце...

А между тѣмъ, у Пелагеи стали по временамъ появляться не только косынки, но и новыя платья, и серьги, и многое такое, о чемъ таѣжная женщина позволяетъ себѣ мечтать, но рѣдко видитъ въ дѣйствительности. Этому злу надо было положить предѣлъ. Какъ женщина, обладавшая необыкновенно тонкимъ психологическимъ чутьемъ, она скоро придумала могущественное противоядіе слѣпой страсти своего супруга и, съ обычною женщинамъ тонкостью, такъ искусно повела это дѣло, что тотъ совершенно и не замѣтилъ ея современной цѣли.

На одномъ изъ пустыхъ становъ, подвѣдомственныхъ управленію михайловскаго приска, проживалъ караульный, Левушка. Еще не такъ давно Левушка считался лихимъ рабочимъ, самъ всегда шелъ въ самую трудную работу. Притомъ, это былъ человекъ положительный; выпить онъ, конечно, любилъ, но до безобразія не увивался и тяжелымъ трудомъ заработанную копейку не спускалъ въ одинъ годъ.

Но стали сказываться годы, Левушкѣ стукнуло 40¹, начала одолевать семья, и вотъ онъ разъ на зиму выпросился въ карауль на пустой станъ. Плата караульному, конечно, небольшая, но спокойнѣе, удобнѣе съ семьей, и, кромѣ того, перепадаютъ кое-какіе доходишки. А главное, сказывалась настоятельная потребность въ отдыхѣ: вѣдь Левушка безъ малаго десять лѣтъ не выходилъ изъ тайги. Да не повезло ему на этотъ разъ: проболѣлъ Левушка всю зиму, а когда подошла весна, онъ былъ такъ слабъ, что нечего было и думать о возвратѣ на заправскую присковую работу, пришлось остаться въ караульныхъ и на лѣто.

И вотъ вышелъ Левушка изъ прежней колеи: сталъ онъ, какъ караульный, зарабатывать 100 руб. въ годъ, вмѣсто прежнихъ 160—180 руб. А семья, между тѣмъ, все росла и росла; хозяйскій же паекъ шелъ только на одного Левушку.

Съ Ѳедоромъ Васильевичемъ Левушка—старые знакомые; а съ

¹ Въ таѣжной работѣ скоро старѣютъ, и рабочій въ 40 лѣтъ, сохранившій всѣ свои силы — положительная рѣдкость.

той поры, какъ онъ караульнымъ, это знакомство получило даже особенную цѣну. Живя на рыбной рѣчкѣ, Лёвушка ставилъ морды, уды, дѣлалъ заѣзды и зачастую улавливалъ такими хитростями благороднаго тюленя, царя таёжныхъ рѣкъ; а въ придачу къ нему, нерѣдко попадался и простоватый налимъ. Перваго онъ подносилъ управляющему, а вторымъ низко кланялся Ѳедору Васильевичу. Послѣдній всегда щедро расплачивался, чѣмъ поощрялъ Лёвущку и на будущее время.

Разъ приходитъ Лёвушка, но, вмѣсто обычнаго гостинца Аннѣ Семеновнѣ, заводитъ такую рѣчь:

— Баба у меня растряслась.

— Кого Богъ далъ, сына или дочь? спросилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Сынка. А я къ вамъ съ просьбой, Ѳедоръ Васильевичъ: не откажитесь быть крестнымъ; моя о томъ къ вамъ мольба, да и бабина.

— Изволь, для кого нѣтъ, а для тебя всегда готовъ.

Собственно говоря, Ѳедоръ Васильевичъ для всѣхъ и всегда былъ готовъ справлять роль крестнаго. Это, конечно, стоило нѣкоторыхъ расходовъ, но въ тоже время и льстило самолюбію Ѳедора Васильевича; вотъ почему онъ на расходы не обращалъ вниманія.

— Вотъ Мордвашева никогда не зовуть, а меня такъ просто раззорили эти крестники; поди бы свои только, а то съ чужихъ становъ приходятъ звать, говаривалъ онъ, видимо тщеславясь своей популярностью между рабочими.

Анна Семеновна нѣсколько иначе смотрѣла на этотъ предметъ; но въ данномъ случаѣ не только ничего не возражала противъ слова, даннаго Ѳедоромъ Васильевичемъ, но даже съ особенной ревностью принялась за приготовленіе разныхъ необходимыхъ предметовъ для новорожденнаго. Мало того, она вошла въ очень длинный и обстоятельный разговоръ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ насчетъ бѣдственнаго положенія Лёвущки и его огромной семьи, и до такой степени разжалобила своего супруга, что тотъ самъ предложилъ ей взять будущаго крестника въ пріемыши. Анна Семеновна сначала какъ будто колебалась, но послѣ настоятельныхъ просьбъ Ѳедора Васильевича, наконецъ, согласилась подь слѣдующимъ, однако, условіемъ:

— Только чтобъ онъ у насъ былъ, какъ настоящій сынъ, такъ это ты, Ѳедоръ Васильевичъ, и долженъ знать и поступать. Надо будетъ его выростить и поставить на ноги, какъ роднаго сына, всю заботу къ тому приложить.

— Разумѣется, замѣсто родного будетъ, да и родной-то какой—единственный!

Левушка нетолько не возражалъ противъ благой идеи, освѣнившей нашихъ супруговъ, но искренно возблагодарилъ небеса за такую несказанную милость.

Анна Семеновна весьма скоро привязалась къ ребенку, малѣйшій писекъ котораго вызывалъ всю ея заботливость и доброту.

Но если въ ея отношеніяхъ къ маленькому Егорушкѣ выказывалось много сердечной теплоты и нѣжности, за то Ѳедоръ Васильевичъ просто поражалъ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ нему и заботливостью, часто устремленною въ самое отдаленное будущее своего питомца. Если Егорушка спалъ, то Ѳедоръ Васильевичъ говорилъ не иначе, какъ шепотомъ, ходилъ на ципочкахъ и всякій разъ до крайности раздражался на прислугу, если та, по старой привычкѣ, сильно хлопала дверьми.

Чуть слышится голосъ Егорушки, и Ѳедоръ Васильевичъ спрашиваетъ: здоровъ ли у него животикъ и не надо ли послать за фельдшеромъ?

Нечего и говорить, что онъ нетолько не поскупился, но даже всѣхъ удивилъ массою потраченныхъ денегъ на одѣяльца, рубашечки и т. п. дѣтскія вещи.

Разъ приходитъ онъ къ Леониду Ѳедоровичу. Тотъ уже по выраженію лица Ѳедора Васильевича замѣтилъ, что послѣдній имѣеть надобность въ разговорѣ по предмету первостепенной важности.

— А что, Леонидъ Ѳедоровичъ, гдѣ лучше учать—въ академіи или университетѣ?

— Это вамъ для чего понадобилось знать?

— А какъ же, вотъ выростетъ Егорушка — вѣдь онъ у насъ замѣсто родного сына — надо знать, куда его направить.

— Ну, вашему Егорушкѣ еще далеко до ученья.

— Нѣтъ, все же надо заранѣе знать. Мы съ Анной Семеновной непременно хотимъ, чтобъ онъ въ Петербургѣ обучался. Вы это дѣло знаете, такъ пособите намъ своимъ добрымъ совѣтомъ.

И Леониду Ѳедоровичу стоило большаго труда доказать Ѳедору Васильевичу, что забота о томъ, что пригоднѣе для Егорушки — университетъ или академія, еще совершенно преждевременна.

— Ну, а если его по военной части пустить, можетъ онъ до генерала дослужиться?

— Отчего же не быть ему и генераломъ! всѣмъ можетъ быть.

— Да Анна Семеновна не согласна, говоритъ: по военной

части опасно служить; налетитъ вдругъ черкесь, того и гляди голову отрубить.

И, немного подумавши, Ѳедоръ Васильевичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, мы его отъ себя не отпустимъ, пушай въ тайгѣ ростеть, въ тайгѣ и въ люди выходить. А выучить его и здѣсь можно будетъ: нашъ дьячекъ за это дѣло съ охотой беретъ.

— А какъ же, сами только что говорили: непременно въ Петербургъ пошлемъ учиться?

— Да, пошлешь его въ Петербургъ, а онъ насъ тамъ и забудетъ: развѣ онъ послѣ петербургскаго ученья захочетъ сюда вернуться!

Однако, главный расчетъ Анны Семеновны оказался призрачнымъ. Хотя, съ теченіемъ времени, заботливость Ѳедора Васильевича объ Егорушкѣ не только не уменьшилась, а напротивъ, все росла и укрѣплялась, тѣмъ не менѣе, на его отношенія къ Пелагеѣ это не имѣло никакого вліянія. Мало того, пользуясь слабохарактерностью Анны Семеновны, онъ даже такъ подстроилъ дѣло, что Пелагея попала къ нимъ въ прислуги.

Судьба же Егорушки была довольно скоротечная: онъ не только не попалъ въ университетъ, но даже и у дьячка не успѣлъ начать курса обученія. Все у него болѣлъ животикъ; не помогли ему ни фельдшеръ, ни докторъ, ни даже бабы-знахарки. Черезъ шесть мѣсяцевъ его не стало, къ крайнему и неліцезнѣнному огорченію Анны Семеновны и Ѳедора Васильевича. Послѣдній распорядился обнести рѣшеткой могилку Егорушки и даже своими руками насадилъ вокругъ нея нѣсколько кустовъ дикихъ піоновъ.

И такъ, Ѳедоръ Васильевичъ побилъ Анну Семеновну, чего еще ни разу не случалось за все ихъ двѣнадцатилѣтнее супружество.

Можетъ быть, Анна Семеновна и отнеслась бы къ этому случаю съ кротостью и смиреніемъ истинной христіанки; но передъ тѣмъ, Ѳедоръ Васильевичъ довольно обманнымъ образомъ завладѣлъ бутылкой спирта, которымъ Анна Семеновна раздобылась съ того же тюриковскаго пріиска и, почти на глазахъ ея, распилъ съ Пелагеѣй.

Этого оскорбленія, при всей своей кротости, Анна Семеновна не могла вынести и пожаловалась управляющему на безобразные поступки своего благовѣрнаго, конечно, умолчавъ о самомъ главномъ, т. е. похищеніи бутылки.

Внушенія управляющаго настолько растрогали Ѳедора Ва-

Сильевича, что онъ не только ничего не возражалъ, но даже со слезами на глазахъ не разъ проговорилъ:

— Это точно, Анна Семеновна—достойная женщина, я много виновата передъ ней; она — благородная женщина, а я — свинья и подлець.

И затѣмъ далъ тройную клятву, что не только порветъ всякія отношенія съ Пелагеей, но даже никогда не взглянетъ на нее.

Но въ то же время онъ чувствовалъ, что совладать со страстью къ Пелагеѣ выше его силъ: одинокая красавица не иначе, какъ приворожила его.

Федоръ Васильевичъ излилъ свою душу Аннѣ Семеновнѣ. Та охотно признала чародѣйскую силу; а потому на супружескомъ совѣтѣ рѣшено было обратиться къ тетѣ Татьянѣ, женѣ прискаваго караульнаго.

Эта тетка не только пользовалась на всю тайгу славой опытной акушерки, но и заподозрѣвалась въ искусствѣ лечить отъ дурного глаза, порчи, привораживанья и т. п. мистическихъ недуговъ; короче—о ней выражались: «она знаетъ».

Вслушавъ обстоятельный рассказъ Анны Семеновны о странномъ поведеніи Федора Васильевича и, выпивъ чашку водки, любезно ей предложенную, тетка Татьяна докторально проговорила:

— Безпремѣнно она его приворожила, взяла грѣхъ на душу безпутная баба. Только это дѣло намъ знакомое, въ три зари я какъ рукой сниму эту болѣсть. Живу шестой десятокъ, а дурой еще не бывала.

Дѣло происходитъ весной, когда отъ сильнаго солнцепека быстро начинается таять снѣгъ; нѣтъ той едва замѣтной горной расщелины, гдѣ бы въ это время съ шумомъ, клубясь и пѣнясь, не игралъ ключикъ. И тамъ, гдѣ лѣтомъ спокойно можетъ перебрести трусливая курица, теперь самый отчаянный таѣжный конюхъ задумывается переправиться верхомъ и зачастую, въ виду своего приска, дѣлаетъ круговой объѣздъ верстъ въ двадцать, чтобъ только на него попасть.

Весной работы кончаются поздно. Всякій управляющій старается ввести рабочихъ въ извѣстный урочъ, который онъ считаетъ нормальнымъ. Этотъ урочъ потомъ въ іюнѣ и іюлѣ будутъ легко кончать между седьмымъ и восьмымъ часами; но теперь, когда земля зачастую мерзла аршина на два и болѣе, когда разыгрывается сплошь и рядомъ непогодъ—то снѣгъ пойдетъ, то

дождь польетъ — этотъ нормальный урокъ нерѣдко и въ половину не дается, хотя рабочихъ держатъ въ разрѣзъ до десяти часовъ.

Но какъ ни поздно, а все-таки работы кончаются. Мало-помалу на пріискѣ воцаряется тишина, изрѣдка прерываемая фыркаемъ въ пріискѣ лошадей, сильно распотѣвшихъ на работѣ.

Не спать лишь Ѳедоръ Васильевичъ и тетка Татьяна. Точно воры ночные, крадучись, пробираются они по пріиску, направляясь къ безымянному ключику.

Ключикъ всего въ полуверстѣ отъ главнаго стана, гдѣ живетъ Ѳедоръ Васильевичъ; но послѣднему стало думать, что нечистая сила перенесла ключикъ куда-то за тридевять земель, такими долгими показались ему тѣ пять, десять минутъ, послѣ которыхъ они пришли, наконецъ, на заранѣе выбранное старухой мѣсто.

Ѳедора Васильевича бьетъ лихорадка, отъ ночного ли холода, или отъ страха чертовщины — трудно рѣшить.

Тетка, имѣвшая, напротивъ, видъ вполне самоувѣренный, еще разъ осмотрѣла мѣстность и, казалось, нашла, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ.

Затѣмъ она предложила Ѳедору Васильевичу раздѣться и войдти въ воду, причемъ указала ему непременно стать въ омутъ пониже довольно большаго камня; сама же взобралась на камень.

— Вы, Ѳедоръ Васильевичъ, крѣпко на-крѣпко затяните уши и зажмурьте глаза; безпремѣнно это сдѣлайте — иначе можетъ быть не хорошо. Да еще не вздумайте креститься. Вы сняли ли крестъ?

— Нѣтъ, какъ же безъ креста? Боюсь безъ креста!

— Ну, такъ затѣмъ же вы и пришли?

И затѣмъ, не долго думая, стащила съ Ѳедора Васильевича мѣдный крестъ.

Ѳедоръ Васильевичъ затрясся вдвое сильнѣе прежняго; въ то же время ему показалось, что земля у него подъ ногами начала какъ бы покачиваться.

Между тѣмъ, тетка Татьяна сорвала еловую вѣтку, обвела ею по водѣ кругъ около Ѳедора Васильевича и взгромоздилась зади его на камень.

Полночь.

Поразительный контрастъ съ бойкой, хлопотливой жизнью природы днемъ. Не шелхнеть ни одна вѣтка, не прочирикаетъ вѣчно суетливый воробей. Все какъ бы спѣшить навестать корот-

кость ночи въ глубокомъ вѣпкомъ снѣ. Самый ключикъ, такой шумливый, когда ярко свѣтило солнце, теперь совсѣмъ притихъ, спустилъ свой тонъ до самыхъ низкихъ нотъ. Его дремотная воркотня не только не кажется диссонансомъ, но даже усиливаетъ эффектъ кругомъ царящаго затишья. Не то темно, не то свѣтло. Густой паръ поднялся надъ землей и, несмотря на всѣ порывы красавицы ночи, напрягающей послѣднія силы, въ виду все болѣе и болѣе наступающаго дневного соперника, матовый полумракъ парить надъ всей окрестностью, въ томъ числѣ и надъ нашимъ ключикомъ. Въ этомъ полумракѣ, однако, довольно отчетливо выдѣляется фигура тетки Татьяны, принявшей нѣсколько торжественную позу, и скорчившагося въ три погибели Оедора Васильевича. Тетка Татьяна обводитъ еловой вѣткой кругъ по водѣ около Оедора Васильевича; продѣлавъ эту операцію трижды, она начинаетъ шепотомъ произносить свои заклинанія.

Оедоръ Васильевичъ не вполне добросовѣстно выполнялъ ея наказъ; по временамъ онъ легко отерывалъ уши, и тогда до него доходилъ шепотъ старухи, въ которомъ онъ, однако, ничего не могъ разобрать. Но и затыкая уши, онъ, казалось, слышалъ этотъ шепотъ, и ему становилось еще болѣе не по себѣ.

Въ тоже время, онъ никакъ не могъ вполне сохранить власть надъ глазами. Зажмурить ихъ такъ, что даже забѣгаютъ искры; но не пройдетъ и секунды, какая-то невидимая сила незамѣтно разведетъ стиснутыя вѣки. Оедоръ Васильевичъ ясно различаетъ ближайшую группу кустовъ, и въ ней...

Но Оедоръ Васильевичъ быстро зажмуриваетъ глаза, даже не позволяя себѣ попытки повѣрить сильно смутившее его впечатленіе. Но, противъ его воли, глаза вновь глядятъ, онъ видитъ опять тѣ же кусты и въ нихъ... что-то свѣтится, какъ два раскаленные угля...

Оедору Васильевичу дѣлается такъ жутко, что отъ страха онъ начинаетъ терять сознаніе окружающей дѣйствительности; его зубы усиленно обгваютъ самый учащенный тактъ; самъ трясется всѣмъ тѣломъ, какъ осиновый листъ. Невольно отдергиваетъ онъ руки отъ ушей и закрываетъ ими глаза.

Въ это самое время, сзади его, внятно раздаются слова старухи:

— Лиха бѣда пришла, лиха бѣда ушла; и вслѣдъ за тѣмъ она сильно ударяетъ Оедора Васильевича по обнаженной спинѣ еловой вѣткой, которую предварительно помочила въ водѣ.

Неожиданность этого эксперимента имѣла рѣшительный эффектъ. Оедоръ Васильевичъ даже потерялъ способность крикнуть, и лишь глухой стонъ вырвался изъ его груди.

За то, казалось, всё силы духа и тѣла сосредоточились въ пяткахъ и развили необыкновенную энергію въ ногахъ.

Какъ стрѣла, бѣжитъ Ѳедоръ Васильевичъ, не отлаивая себѣ отчета, по направленію къ приску. Эхо отъ его же собственныхъ шлепковъ раздражалось въ его ушахъ въ погоню цѣлаго сонмища, а крики изумленной старухи, тщетно старавшейся остановить его, превращались въ визгъ и хохотъ всего ада.

Между тѣмъ, присковыя собаки, днемъ обыкновенно спящія, а ночью оглашающія воздухъ пріятнымъ концертомъ, не преминули, конечно, стаей броситься на Ѳедора Васильевича, причѣмъ особенно отличился хитрый тунгусикъ: онъ такъ ловко впился Ѳедору Васильевичу въ икру, что мастеръ своего дѣла, присковій фельдшеръ, Сидоровъ, лечилъ потомъ цѣлое лѣто и все-таки вполнѣ не залечилъ рану.

Можно себѣ представить изумленіе Анны Семеновны, когда двери съ шумомъ растворились и, во образѣ прародителя, вбѣжалъ Ѳедоръ Васильевичъ. На немъ, какъ говорится, лица не было и на всё распросы отвѣчалъ только одно:

— Съ нами крестная сила!

Наконецъ, бросился въ кровать и заплакалъ, какъ ребенокъ.

Въ расчетъ смѣнился управляющій. Къ новому является Пелагея и освѣдомляется—можетъ ли она рассчитывать, что останется при прежнемъ занятіи. Леонидъ Ѳедоровичъ, такъ звали новаго управляющаго, прежде завѣдывалъ сосѣднимъ прискомъ той же компаніи, гдѣ служилъ Ѳедоръ Васильевичъ, а потому былъ хорошо знакомъ со всѣми внутренними и внѣшними дѣлами михайловскаго приска. Онъ зналъ, что Пелагея была баба на всё руки—прачка, коровница, по нуждѣ могла даже за повара служить. Но въ то же время, несчастная страсть Ѳедора Васильевича, нисколько не охладѣвшая послѣ ночной прогулки на безымянный ключикъ, вызывала на нѣкоторыя размышленія. Ради поддержанія на прискѣ мира и тишины, Леонидъ Ѳедоровичъ предложилъ Пелагеѣ мѣсто прачки на другомъ, подвѣдомственномъ ему, прискѣ, верстахъ въ 5-ти отъ Михайловскаго. Пелагея согласилась и обязалась завтра же перебраться, благо туда отправлялась хозяйская подвода.

Хлопотливое время—дни расчета для всякаго, мало-мальски заботливаго присковаго управляющаго. Покончивъ съ расчетомъ людей и служащихъ, надо прежде всего отправить золото, сфор-

мировать партію лошадей, отправляемых на кормежу, нанять зимовых рабочихъ, причемъ особенно важно запастись хорошими ремесленниками. Поминутно къ управляющему являются разные лица за мелочными расчетами, изъ конторы приносятъ множество бумагъ къ подписи. Въ то же время, надо усиленно наблюдать за сохранностью присковаго добра; а главное, чтобы между пьяными рабочими не дошло дѣло до убійства. На помощь служакамъ нельзя много рассчитывать, большинство изъ нихъ съ увлечениемъ справляетъ таѣжный праздникъ.

Двери въ квартирѣ управляющаго почти не затворяются.

Едва онъ углубится въ чтеніе несовсѣмъ понятныхъ ему бумагъ, принесенныхъ конторщикомъ, каковой съ пьяныхъ глазъ иногда чортъ знаетъ что насочинить, какъ входитъ жена конторщика.

— Извините, Леонидъ Ѳедоровичъ; можетъ быть, помѣшала?

— Что прикажете, Серафима Петровна?

— Да вотъ третій день коровница молока не даетъ: всего, говорить, одну кринку надаиваю. Ну, можетъ ли это быть, когда до расчета коровы давали по четыре кринки?

Коровы на прискахъ хозяйскія, и расходованіе молока находится подъ верховнымъ контролемъ управляющаго, и чѣмъ послѣдній добросовѣстнѣе, тѣмъ дѣло это для него несноснѣе.

— Хорошо, я прикажу, чтобы вамъ дали молока; сами знаете — теперь расчетъ, а потому не взыщите.

Только что ушла Серафима Петровна, является казакъ.

— Тебѣ что?

— На ключикѣ спиртоносы расположились и открыто торгуютъ — (обстоятельство давно извѣстное управляющему) — такъ не прикажете ли людей взять, да пугнуть спиртоносовъ, а то, можетъ быть, удастся и захватить ихъ?

— Чортъ съ ними! лишь бы на самомъ присекѣ не торговали.

Съ спиртоносами шутить нельзя, они всегда съумѣютъ отомстить — то лошадей угонять, то станъ подпалать.

Казакъ на своемъ не настаиваетъ и уходитъ вполне довольный, что имѣлъ случай заявить о своей бдительности и отвагѣ, что и составляло его единственную цѣль, такъ какъ отвѣтъ управляющаго онъ заранѣе предвидѣлъ.

Не успѣвъ управляющій прочесть: его высокоблагородію господину горному ревизору... какъ вваливаетъ Павелъ Стовскій, любимецъ Леонида Ѳедоровича, одинъ изъ лучшихъ рабочихъ, но и несноснѣйшихъ въ пьяномъ видѣ. Павелъ едва стоитъ на ногахъ, рубашка на немъ разорвана, верхняя губа сильно расклевана.

— Ты зачѣмъ?

— А рубаху-то обѣщали.

— Какую рубаху?

— Забыли развѣ, въ Николинъ-то день.

Въ зимняго Николу Павелъ просилъ у Леонида Ѳедоровича 5 р., якобы на покупку рубахи, а собственно для кутежки. Леонидъ Ѳедоровичъ это сообразилъ и въ деньгахъ отказалъ, а чтобы отдѣлаться отъ Павла, обѣщаль, что выпишетъ ему изъ Енисейска хорошую рубаху.

Конечно, объ этой рубахѣ разговоръ болѣе не возобновлялся; но теперь, спустя почти 9 мѣсяцевъ, Павелъ почему-то вспомнилъ о ней.

— Ты, во-первыхъ, пьянъ, а во-вторыхъ, мнѣ теперь некогда толковать о твоей рубахѣ. И съ этими словами Леонидъ Ѳедоровичъ довольно любезно вывелъ Павла.

Но не успѣлъ онъ усѣсться и'приняться за прерванное чтеніе, какъ Павелъ опять передъ нимъ.

— Такъ какъ же... рубаху-то обѣщали... когда же...

— Я тебѣ сказалъ, что мнѣ некогда теперь толковать съ тобой, съ сердцемъ отвѣтилъ Леонидъ Ѳедоровичъ и, не долго думая, выпроваживаетъ Павла въ шею.

Но это, однако, не производитъ на послѣдняго ни малѣйшаго впечатлѣнія, и менѣе чѣмъ черезъ минуту его фигура опять показывается въ дверяхъ кабинета управляющаго. На этотъ разъ Леонидъ Ѳедоровичъ, не давая Павлу открыть ротъ, схватываетъ его за шиворотъ и однимъ духомъ выталакиваетъ на дворъ. Но зная хорошо Павла, онъ беретъ первую попавшуюся веревку и, при содѣйствіи казака, скручиваетъ своего любимца и запираетъ его на ключъ въ банѣ. Другого средства отдѣлаться отъ него нѣтъ. Онъ—очень смиренный малый, даже когда пьянъ, но имѣетъ привычку до такой степени надоѣдать, что всегда бываетъ сильно побить въ расчетъ своими же пріятелями-рабочими.

Только-что усѣлся Леонидъ Ѳедоровичъ за свои бумаги, какъ сбѣгаетъ вся въ попыхахъ жена матерьяльнаго.

— Леонидъ Ѳедоровичъ, спасите Анну Семеновну.

— Что такое случилось?

— Да Ѳедоръ Васильевичъ убьетъ ее, безпремѣнно убьетъ, такъ съ ножомъ на нее и бросается. Это, говоритъ, по твоей милости Пелагея должна сегодня уѣхать; такъ я тебя за это со свѣта сживу! Звѣрь звѣремъ сталъ мужиченка; все бьетъ, ломаетъ, вонъ гонить изъ дому Анну Семеновну.

Леонидъ Ѳедоровичъ надѣваетъ шапку и направляется къ дому, въ которомъ жилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Несмотря на званіе станового, перваго лица на пріискѣ послѣ управляющаго, квартира Ѳедора Васильевича, какъ и вообще всѣхъ горныхъ служащихъ, далека отъ блеска и роскоши. Она состоитъ изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и передней, гдѣ, кромѣ лоханки для умыванья и кадки съ водой, ничего нельзя было помѣстить. Мебель некрашенная, сдѣланная рукой таёжнаго плотника, самозванно присвоившаго себѣ титулъ столара, вмѣсто стульевъ—табуреты, на диванѣ—громкое названіе трехъ досокъ, укрѣпленныхъ на неотесанныхъ обрубахъ—красуется тюменскій коверъ, которому даже въ Енисейскѣ красная цѣна—четыре рубля.

Въ среднемъ простѣнѣ повѣшено небольшое зеркало, на которомъ мухи вывели столь частые узоры, что сдѣлали его совершенно непригоднымъ для своего назначенія. По обѣимъ сторонамъ зеркала красовались портреты Ѳедора Васильевича и Анны Семеновны, издѣлія какого-то цыгана-фотографа. Анна Семеновна была изображена въ шляпѣ, на которой роскошно раскинулся цѣлый садъ цвѣтовъ; въ рукахъ у нея была гитара. Ѳедоръ Васильевичъ смотрѣлъ на часы, которые, хотя и были вѣчно въ починкѣ, но составляли для него предметъ особой гордости. Они были съ секретомъ, скрывавшимъ довольно нескромное изображеніе. Съ Ѳедоромъ Васильевичемъ фотографъ обошелся нѣсколько безцеремонно: правая половина лица совѣмъ не вышла.

— Туча набѣжала, какъ снимали портретъ, объяснял Ѳедоръ Васильевичъ.

Вмѣсто разныхъ изящныхъ бездѣлушекъ на полочкѣ, прибитой къ стѣнѣ, помѣщались чайникъ, съ наполовину отбитымъ горлышкомъ, два разнокалиберные стакана, одна чайная чашка, небольшая миска безъ крышки и ручекъ, пять—шесть тарелокъ и судокъ, изъ всѣхъ принадлежностей котораго уцѣлѣла только горчица.

На пріискахъ вся обстановка обыкновенно хозяйская. Все лучшее забирается управляющимъ и матерьяльнымъ; остальнымъ, особенно горнымъ, достается, что похуже и притомъ въ обрѣзъ. А вѣчные переѣзды съ одного мѣста на другое отбиваютъ охоту заводиться своимъ.

Изъ другой комнаты выглядывала помѣстительная кровать съ огромнымъ количествомъ подушекъ и влѣтчатымъ стеганнымъ одѣяломъ; большой ирбитскій сундукъ, окованный жестью, служилъ вмѣсто гардероба; въ правомъ углу видѣлся небольшой кіотъ съ почернѣлыми иконами и вербой, привезенной лѣтъ десять тому назадъ изъ Енисейска.

Въ первой комнатѣ на окнахъ стояло нѣсколько горшковъ съ бальзаминами, единственнымъ предметомъ заботы и нѣжныхъ попеченій со стороны Анны Семеновны, которая, по слабости зрѣнія, никакимъ рукодѣльемъ не занималась, кромѣ развѣ вязанья чулковъ.

Когда Леонидъ Федоровичъ вошелъ, его глазамъ представилась слѣдующая картина: подушки были разбросаны по полу, на которомъ также валялись черепки разбитой чашки; сундукъ былъ открытъ, и двѣ юбки вмѣстѣ съ бархатной шубкой были выброшены на полъ. Черезъ открытое окно виднѣнъ былъ горшокъ съ бальзаминами, далеко выкинутый на гряды. Анна Семеновна сидѣла, прижавшись въ уголь, и, казалось, плакала; Федоръ Васильевичъ стоялъ среди комнаты видимо очень взволнованный.

Приходъ Леонида Федоровича крайне его удивилъ.

— Какъ поживаете, Федоръ Васильевичъ?

— Ничего-съ...

— Не хотите ли чаю отгушать? у меня и самоваръ готовъ.

— Покорно благодарю-съ.

— Такъ что же? Пожалуйте со мной.

— Я приду, сейчасъ приду.

— Пойдемте вмѣстѣ.

Федоръ Васильевичъ нѣсколько понялъ и пошелъ за Леонидомъ Федоровичемъ съ видомъ подневольнаго человѣка.

У Леонида Федоровича, какъ любителя чая, самоваръ былъ готовъ во всякую пору.

Въ началъ разговоръ не клеился.

— А вотъ вамъ, Федоръ Васильевичъ, скоро придется въ развѣдку собираться.

— Да-съ, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, стараясь принять дѣлово-озабоченный видъ, но въ голосѣ его слышалось легкое всхлипыванье.

— Можетъ быть, хорошее золото найдете, и тогда Николай Васильевичъ назначить вамъ попудные.

— Можетъ быть-съ; впрочемъ, Николай Васильевичъ мнѣ давно общалъ попудные за развѣдку итолійскаго прииска; да такъ дѣло дальше одного общанья и не пошло.

— Ну, можетъ быть, управляющимъ назначить.

— Нѣтъ, меня управляющимъ не поставятъ.

— Почему же такъ? вы дѣло знаете; къ тому же, старшій служака.

— А все же мнѣ управляющимъ не бывать.

Федоръ Васильевичъ очень хорошо зналъ, что его «ненадежность» будетъ ему вѣчной помѣхой для достиженія званія управляющаго.

— Каково-то теперь идутъ наши копи? погода какая дождливая стала.

— Да, шибко мокро.

Между тѣмъ, въ подобныхъ разговорахъ былъ выпить одинъ самоваръ и поданъ другой. Федоръ Васильевичъ только утирается, но отъ обязательно наливаемого Леонидомъ Федоровичемъ чая не отказывается. Наконецъ, чай становится настолько жидкимъ, что Леонидъ Федоровичъ, замѣтивъ это, считаетъ нужнымъ извиниться.

— Ничего-съ, отъ васъ я буду пить все, хоть простую воду.

— Почему-жъ такъ?

— Потому, что очень васъ уважаю и вижу ваше вниманіе.

И дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ Федоръ Васильевичъ выпиваетъ три стакана просто кипяченой воды.

— Очень ужъ вы меня обидѣли, Леонидъ Федоровичъ, совершенно неожиданно и съ большимъ трудомъ отъ всхлипыванья проговариваетъ Федоръ Васильевичъ.

— Что вы говорите, чѣмъ я васъ обидѣлъ?

— Вы знаете...

— Да вѣдь это для вашего же спокойствія; и къ тому же, подумайте, Анна Семеновна—такая прекрасная, благородная женщина, и ей приходится страдать.

— Это, конечно... конечно, Анна Семеновна — благородная женщина, а я свинья... и я вамъ очень благодаренъ... только все-таки вы меня вѣрно изобидѣли...

Слезы, соединившись съ обильнымъ потомъ, ручьемъ бѣжали по его глубоко морщинистому лицу; онъ нервно вздрагивалъ и минутно вскидывалъ плечами.

Въ это время раздался звукъ колокольцевъ. Федоръ Васильевичъ схватился за шапку.

— Куда же вы?

— Пора.

— Вѣдь у васъ теперь никакого дѣла нѣтъ?

— Ужъ позвольте пожалуйста, я сейчасъ же вернусь.

Однако, прошло минутъ съ пять, а Федоръ Васильевичъ не возвращается. Подстрекаемый болѣе любопытствомъ, чѣмъ заботами о неприкосновенности Анны Семеновны, Леонидъ Федоровичъ направляется къ нимъ въ домъ. Незамѣченный никѣмъ, онъ входитъ въ переднюю и наблюдаетъ такую сцену.

— Ну, говорить, Пелагея, теперь сядемте.

Всѣ, т. е. Анна Семеновна, Ѳеодоръ Васильевичъ и Пелагея садятся, какъ принято, когда кто-нибудь отъѣзжаетъ.

Молчаніе. Ѳеодоръ Васильевичъ мотааетъ головой и утираетъ кулакомъ слезы.

Черезъ минуту Пелагея встаетъ.

— Прощайте, голубушка, Анна Семеновна; много благодарна за вашу ласку и неоставленіе.

Анна Семеновна спѣшитъ было заключить Пелагею въ объятія, но та останавливается.

— Нѣтъ, подождите, надо проститься въ порядкѣ.—И съ этими словами она достаетъ изъ одного кармана бутылку водки, а изъ другого чайную чашку.

Наполнивъ чашку, она предлагаетъ ее Аннѣ Семеновнѣ. Та, конечно, выпиваетъ не поморщившись. Затѣмъ, Пелагея налила чашку вновь, облобызалась съ Анной Семеновной и, выпивъ, проговорила:

— За ваше здоровье, дорогая моя.

Тѣмъ же порядкомъ совершилось прощанье съ Ѳеодоромъ Васильевичемъ, который все время усиленно вздрагивалъ и обливался слезами.

Въ бутылкѣ оставалось немного водки. Пелагея живо ее опорожнила.

— Ну, прощайте, мои милые, живите въ добромъ здоровьи и согласіи. И опять начались лобызанья.

— А теперь, Пелагея, проговорилъ Леонидъ Ѳеодоровичъ, вышедшій изъ своей засады:—маршъ сейчасъ же! ты тутъ будешь до утра прощаться, такъ тебя кони все и жди.

Пелагея молча повиновалась и вышла.

Уходя, Леонидъ Ѳеодоровичъ слышалъ, какъ Ѳеодоръ Васильевичъ громко зарыдалъ.

Не прошло и пяти минутъ, Ѳеодоръ Васильевичъ является къ Леониду Ѳеодоровичу и прямо бухъ ему въ ноги.

— Что съ вами, Ѳеодоръ Васильевичъ?

— Леонидъ Ѳеодоровичъ... вы человекъ благородный... глухія рыданія прерывали слова Ѳеодора Васильевича: — позвольте... позвольте Пелагеѣ остаться на михайловскомъ приискѣ...

Но въ эту минуту залились колокольцы, и мимо оконъ проѣхала подвода, уносящая Пелагею на другой приискъ.

Прошло года полтора послѣ рассказаннаго эпизода. Ѳедоръ Васильевичъ вдругъ передъ святой сильно разболѣлся; сталъ онъ пухнуть, жаловался на боль въ ногахъ. Пріисковые доктора порѣшили, что ему нельзя долѣе оставаться въ тайгѣ — иначе непременно умретъ.

Неохотно повинувшись ихъ настоятельнымъ требованіямъ, онъ, наконецъ, выѣхалъ въ Красноярскъ и тамъ за лѣто, повидимому, поправился.

Докторъ, лечившій Ѳедора Васильевича, не совѣтовалъ ему возвращаться въ тайгу, а главное не пить ни капли водки или вина.

— А мадеру или тенерифъ можно?

— Говорятъ вамъ — никакого вина, если еще милъ божій свѣтъ.

Ѳедоръ Васильевичъ общалъ, что пить болѣе не станетъ; но безъ тайги онъ обойтись не могъ: иначе приходилось умирать съ голоду. Къ тому же подвернулось хорошее мѣсто; прежній хозяинъ узналъ, что Ѳедоръ Васильевичъ пересталъ пить, послалъ его теперь самостоятельнымъ управляющимъ.

Недолго; однако, онъ науправлялъ самостоятельно; осенью слѣдующаго года, за прекращеніемъ работъ на пріискѣ, онъ получилъ расчетъ и выѣхалъ въ Красноярскъ.

Здѣсь, послѣ одной сильной кутежки въ такъ называемой «мѣщанкѣ» — общесловномъ клубѣ — онъ слегъ. Заходитъ къ нему Леонидъ Ѳедоровичъ, случайно въ это время находившійся въ Красноярскѣ.

— Что это съ вами, Ѳедоръ Васильевичъ?

— Да ничего особеннаго — такъ, маленько простудился.

— Ну, полноте сказки рассказывать; вѣдь я отъ доктора и вашего хозяина все дѣло очень хорошо знаю.

— Что подѣлаешь, Леонидъ Ѳедоровичъ! встрѣтились два-три старые пріятели, еще отъ тѣхъ временъ, какъ въ 46 году на Отрадномъ пріискѣ служилъ; ну, дѣйствительно, выпилъ съ ними наливки; и всего-то не больше двухъ рюмокъ.

— Да полно же вамъ вздоръ-то говорить! вы еще въ тайгѣ стали сильно закучиваться; зачѣмъ же это дѣлали, когда вамъ строго-на строго было запрещено?

— Да вѣдь я, Леонидъ Ѳедоровичъ, не самъ по себѣ, а съ позволенія доктора.

— Какого такого доктора?

— А нашего казеннаго, присковаго, Бурундукова. До іюля я крѣпился, то есть ни единой капли! Только стало у меня сильно ноги мозжить (т. е. ломить); я и сказываю объ этомъ доктору.

— Вы, говорить, прежде водку пили?

— Пилъ.

— Ну, такъ пейте теперъ коньякъ: это — для васъ самое подходящее лекарство.

— Охота же вамъ была обращаться къ Бурундукову! вѣдь вы сами знаете, что онъ никогда не просыпается, что, кромѣ рому и коньяку, никакихъ другихъ средствъ не рекомендуетъ; почему же не обратились къ Орлинскому?

— Все же Бурундуковъ — оффиціальны докторъ; думалъ, что дастъ совѣтъ по совѣсти; да и знаетъ онъ меня давно.

— Надо бы васъ на старости лѣтъ посѣчь хорошенько; можетъ быть, умнѣ бы стали.

— И то правда, добродушно отвѣтилъ Ѳедоръ Васильевичъ: — вотъ какъ только поправлюсь, сейчасъ же къ вамъ съ визитомъ приду; я даже самъ розгу принесу, смѣясь прибавилъ онъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ зналъ, что Ѳедоръ Васильевичъ былъ не охотникъ до чтенія; потому не безъ удивленія замѣтилъ, что на столикѣ, который стоялъ подлѣ кровати, лежала небольшая книжка.

— Что эта за книга? полюбопытствовалъ онъ.

— Илліада Гѣмера.

— Что?! уже болѣе, чѣмъ удивленный, переспросилъ Леонидъ Ѳедоровичъ.

— Илліада Гѣмера, нѣсколько запинаясь, повторилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Какъ она къ вамъ попала?

— Да еще на прискахъ какъ-то былъ я у помощника (исправника) и въ газетахъ у него вычиталъ, что это книга для всѣхъ полезная и пріятная: и юношамъ, и взрослымъ, и старцамъ, и даже министрамъ. Чтò, говорю, Иванъ Васильевичъ, какъ вы думаете, стоящая это книга?

— Еще бы! развѣ не видите, что Государю Императору была поднесена.

— Вотъ я взялъ, да и выписалъ ее.

— Ну что же, нравится она вамъ?

— А еще не читалъ, не удосужился. Анна Семеновна было принималась за нее, ну да сильно плохо видитъ; говорить: ужъ очень сурьезная книга.

— Кстати, гдѣ теперъ Анна Семеновна?

— Она пока на пріискахъ, выѣдетъ по зимнему пути, если только я не вернусь опять въ ту же тайгу.

Между тѣмъ, пришла Пелагея и принесла лекарство изъ аптеки.

Леонидъ Ѳедоровичъ пожелалъ больному скорѣйшаго выздоровленія и распрощался.

Не довелось, однако, Ѳедору Васильевичу удосужиться и прочитать Илліаду — на утро его не стало.

Л. Пантелѣевъ.